

ЛИТЕРАТУРА НА ВОСТОКЕ

DOI: 10.7868/S0869190818020103

БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКИЙ КОД РОМАНИСТИКИ
ТУРЕЦКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ ДЖАНАН ТАН

© 2018

М. М. РЕПЕНКОВА

Институт стран Азии и Африки МГУ, Москва, Россия

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7551-3869>

mmrepenkova@rambler.ru

Резюме: В турецкой литературе последних пятидесяти лет произошли серьезные структурные изменения. К 1980-м гг. реалистическая литература (“социальный реализм”, социально-психологическая и субъективно-психологическая проза) стала демонстрировать признаки изношенности кода и фактически сошла на нет. Ее место заняли агрессивные конкуренты – постмодернизм и массовая словесность, особенно не задумывавшиеся над высоким предназначением художественного слова, низвергавшие его в темноту коллективного бессознательного (постмодернизм) и в бездну товарно-денежных знаков (массовое читиво). Однако к 2010-м гг. и постмодернистский поток начал постепенно иссякать. Непоколебимой оставалась лишь массовая литература и крепчающая рядом с ней беллетристика. В статье исследуется беллетристическая парадигма (беллетристический код) романистики одной из самых известных турецких писательниц Джанан Тан (род. 1951). На примере романа “Тоска” (2013) показывается, что беллетристический код проявляется у нее в четкой авторской позиции, в повторяющихся типах героев, в точном бытописании (“поэтике повседневности”), в постановке “вечных” проблем и полифонии стилистических пластов (волшебная сказка, сентиментальный и исторический романы и др.). Показывается, что определенная формульность и стилистическая неопределенность текста не мешают именно историческому повествовательному пласту обеспечить точность психологических мотивировок героев и динамичность сюжета.

Ключевые слова: турецкая беллетристика, Джанан Тан, роман “Тоска”, признаки беллетристического кода, историческая составляющая романа.

Для цитирования: Репенкова М. М. Беллетристический код романистики Джанан Тан. Восток (Oriens). 2018. № 2. С. 113–121. DOI: 10.7868/S0869190818020103.

FICTIONAL ROMANCE PHILOLOGY CODE OF CANAN TAN

MARIA M. REPENKOVA

Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7551-3869>

mmrepenkova@rambler.ru

Abstract: Serious structural changes took place in the Turkish literature during the last fifty years. By 1980s, realistic literature (“social realism”, social-psychological and subjective-psychological prose) demonstrated signs of code wearing and actually came to naught. Its place was immediately occupied by aggressive competitors—post-modernism and mass philology. These literary styles subverted literature into

the darkness of the collective unconscious (post-modernism) and into the heap of commodity money (mass reading-matter). However, the post-modernist "mainstream" began running low by 2010. Only mass literature and becoming stronger so called "middle-literature"/fiction remain steadfast. The article investigates the romanticism fiction paradigm (fiction code) of Canan Tan (born in 1951), the most famous Turkish fiction writer. Her novel "Distress" (2013) shows that the fiction code is revealing in the author's clear position, in the repeating characters' types, in fixing details of everyday life (poetics of daily occurrence), in the arranging "eternal" problems, as well as in stylistic layers polyphony (magic tale, sentimental and historical novels, and so on). Certain formulations and stylistic uncertainty of the text do not prevent narrative layer to provide exactness of characters' psychological motivation and subject dynamics.

Keywords: Turkish fiction, Canan Tan, novel "Distress", signs of the fiction code, historical component of the novel.

For citation: Repenkova M. M. Fictional romance philology code of Canan Tan. *Vostok (Oriens)*. 2018. No. 2. Pp. 113–121. DOI: 10.7868/S0869190818020103.

В турецкой прозе начала XXI в. происходят существенные изменения: при агрессивном наступлении постмодернизма (О. Памук, М. Мунган, П. Кюр, И.О. Анар, Х.А. Топташ, А. Тунч и др.) набирает мощь беллетристика (Т. Киремитчи, К. Башар, А. Умит, Дж. Тан, З. Ливанели, Х. Гюндай и др.). Произведения с ярко выраженной беллетристической установкой создают писатели, которые сразу заявили о себе как беллетристы (Т. Киремитчи, К. Башар, Х. Гюндай, З. Ливанели и др.), и писатели, ранние работы которых развивались в русле массовой литературы (А. Умит, Дж. Тан и др.). При небывалом росте беллетристической парадигмы она тем не менее не становится объектом изучения турецких исследователей, которые вообще не включают понятие "беллетристика" в разряд литературоведческих. Поэтому, рассматривая особенности (беллетристический код) романистики известной турецкой писательницы Джанан Тан (р. 1951), я буду опираться на методологию российских исследователей, анализировавших советскую и российскую беллетристику [Лейдерман, Липовецкий, 2001; Липовецкий, 1997; Литовская, 1999; Черняк, 2009; Чуприн, 2007 и др.].

В современной литературной теории беллетристика и массовая литература рассматриваются как понятия близкие, но не тождественные. С "низовой" массовой словесностью беллетристику роднят занимательность содержания благодаря отклику на важнейшие события истории и современности, пропаганда извечных человеческих ценностей, определенная трафаретность образов и мотивов, стилистическая многоголосица, быстрая потеря актуальности и читательского интереса [Черняк, 2009, с. 140]. В отличие от массовой литературы беллетристика углубляется в психологию личности. Это выражается в интересе последней к усложненному внутреннему миру героев и их эволюции. В противовес размытости авторского "я" в произведениях массовой литературы авторская позиция писателя-беллетриста проявляется всегда очень отчетливо (в особой авторской интонации, юморе, авторских отступлениях и т.п.).

И все же беллетристика не дотягивает до литературы "высокой". Беллетристические тексты со свойственной им прямолинейностью и тривиальностью, однозначностью в восприятии мира, с ориентацией на "усредненное" сознание не дают эстетических открытий, а лишь подтверждают известное. Они не расширяют горизонты человеческого сознания, что является прерогативой литературы "высокой". Беллетристический канон функционирует только для подтверждения уже достигнутого/осмысленного, т.е. культурного, опыта читателя. В нем слово – не более чем средство воспроизведения событий и характеров. Поэтому беллетристику часто называют "серединным" полем литературы, "мидл-литературой" [Чуприн, 2007, с. 77].

Дж. Тан, которая начала творческий путь как автор массового романа ("Пирайе" (Piraye, 2003), "Танец с героиним" (Eroinle Dans, 2005), "Мое сердце тебя очень полюбило" (Yüreğim Seni Çok Sevdi, 2007), "Самыми последними умирают сердца" (En Son Yüreklər Ölür, 2009), "След" (İz, 2012) [Репенкова, 2016(1); Репенкова, 2016(2)], в 2010-х гг. меняет авторскую стратегию. Теперь ее творческим целям более созвучен беллетристический код: "Хор бесхозных мужчин" (İssiz Erkekler Korosu, 2012), "Тоска" (Hasret, 2013), "Пембе и Юсуф" (Pembe Ve Yusuf, 2014), "Наручники" (Kelepçe, 2016). Важней-

шей чертой ее последних романов можно считать простую, но четко выраженную и настойчиво проводимую авторскую линию: без любви человеческая жизнь бессмысленна, она становится подобной смерти. Наличие такой “констатирующей идеологемы” [Чернов, 1997, с. 27] устраняет многовариантность прочтения, придает произведению определенный дидактический оттенок, порождает повторяющиеся, трафаретные образы – сильная духом “слабая женщина” и слабый духом “сильный мужчина”.

Признаки беллетристического кода просматриваются у Дж. Тан в соединении несовместимого: поверхностности и глубины, тривиальности и оригинальности. Поэтому повторяющиеся типы героев поражают в ее романах психологической отточенностью поступков, а реальность, в которую эти герои вписаны, – фактографической точностью деталей быта, так называемой поэтикой повседневности. Писательница с легкостью жонглирует разными стилистическими пластами, скрепляя семантическую многоплановость повествования нравственным пафосом и энергией “вечных” вопросов, питаемых классикой. Умение Дж. Тан балансировать в романах 2010-х гг. между постановкой сложных проблем любви, семьи, долга, человеческих взаимоотношений (включая межнациональные и межконфессиональные) и общечеловеческим (гуманистическим) подходом к их решению ставит под сомнение правомерность отнесения ее книг к так называемой турецкой женской литературе/прозе, на существовании которой настаивают некоторые исследователи, акцентирующие внимание на гендерном восприятии мира авторами-турчанками [Софронова, 2016; Gülcendam 2006; Günaydin, 2012; Erden, 2011 и др.].

Роман “Тоска” является ярким примером реализации беллетристических установок в творчестве Дж. Тан. С одной стороны, в нем присутствует повествование о высоких нравственных порывах героев (искренность и верность в любви, душевная стойкость в испытаниях, непримиримость в борьбе со злом), а с другой – простота и даже определенная наивность художественного изложения. От третьего лица рассказывается о любви молодых людей – туркмена-мусульманина Таджеттина и гречанки-христианки Патриции, родившихся и выросших в самом сердце Анатолии, в городке Кескин, и считавших Турцию своей родиной. История их любви переплетается с историей многонациональной страны, охватывая большой период времени (с 1910-х по 1940-е гг.). Социально-политические катаклизмы, перевернувшие привычный уклад провинциальной анатолийской жизни, обернулись трагедией для двух любящих сердец, разметав влюбленных по разным странам – Таджеттин остался в Турции, а Патриция с сыном и матерью переехали в Грецию.

Важной чертой беллетристического кода романа можно считать его язык. Он обладает стилистической выразительностью, несмотря на наличие в нем штампов. Трафаретность в образах главных героев проявляется в устойчивых эпитетах и сравнениях, относящихся еще к османской поэтической традиции. Таджеттин и Патриция красивы и молоды. У Патриции черные локоны, тонкая талия. Ее черные глаза сравниваются с углем, с огромными черными виноградинами, губы – с розовыми бутонами, а слезы – с жемчугами и т.п. «Патриция взяла его руку и прошептала: “Я беременная”. Из ее глаз капали слезы, как жемчуга» [Tan, 2015, s. 63]. У Таджеттина – этакого *калем эфендис* (“господин пера”, так в Османской империи называли государственных чиновников) – черные густые волосы, правильные черты лица, темные как угли глаза, чувство собственного достоинства в каждом движении и т.п. Он – предмет обожания всех девушек Кескина.

При описании поступков и чувств героев Дж. Тан также не удается избежать штампов. Ее герои любят друг друга страстно, до умопомрачения. Когда Таджеттин уезжает в командировку в другой город, Патриция решает, что он ее бросил, выходит поздней осенью раздетая на улицу и стоит под ледяным дождем. Вернувшийся Таджеттин находит девушку в горячке. Сходя с ума от страха за любимую, он не отходит от постели больной до ее полного выздоровления.

Страсть влюбленных подчеркивается, как правило, клишированными романтическими пейзажами. Их встречи происходят чаще всего при луне, в благоухающем ароматами цветов саду загородного дома матери Патриции, Оморфии, которая считает Таджеттина благородным и честным человеком.

Однако стилистика романа определяется не штампами и клише. Наоборот, Дж. Тан стремится отойти от шаблонов, углубляясь в психологию героев, в этнографические и исторические экскурсы, применяя кинематографические приемы (смена ракурса и плана

изображения, сдвиги временных и пространственных пластов). Для усиления мотивировки поведения Таджеттина и его родни писательница приводит подробную историю туркменского племени *джерид*, представителем которого и являлся Таджеттин. Это племя, относящееся к древнему огузскому роду Бейдили, в XIII–XIV вв. перекочевало из Средней Азии в Анатолию, а затем в Аравию. Но из-за сурового аравийского климата вновь вернулось в Турцию и осело в вилайетах Аданы, Мараша и Антепа. Несколько веков представители племени верой и правдой служили османским султанам, за что и получили от них фирман (разрешение) на владение землями в центральной Анатолии, в районе Кыршехира–Кескина. В период, описываемый в романе, главой племени является отец Таджеттина – Хаджи Али Бей. Он очень богат, владеет большим количеством деревень. У него две жены – старшая Юмюш Хатун и младшая Фатиш Хатун, десять детей. Таджеттин – его любимый младший сын от Фатиш Хатун.

Дж. Тан уделяет много места описаниям традиционного уклада жизни большой туркменской семьи (свадьбы, рождения детей, похороны, одежда, еда и т.п.). Например, ко всем членам родового клана (даже к маленьким детям) обращаются только “господин/бей” и “госпожа/хатун”. Хранителем традиций выступает глава семьи Хаджи Али Бей. Никто не смеет ему перечить. Только один человек, обожаемая им младшая жена, имеет над Хаджи Али Беем особую власть. Ради этой женщины он готов на все. Фатиш Хатун умело использует свое особое положение в доме. По сути, ни одно важное решение не принимается без ее участия. Она советует мужу, когда собирать детей на семейный совет и какое решение принять во время этого схода. Она всегда (в будни, праздники, дни траура) во главе семейных трапез. Она – фактическая глава дома.

Десятерых детей (и своих, и Юмюш Хатун) Фатиш Хатун любит и опекает, даже несмотря на то, что все они, кроме младшего Таджеттина, уже имеют свои семьи. Но больше всего мать обожает Таджеттина, обаятельного парня, любимца всей семьи, в котором Фатиш Хатун видит главного продолжателя родовых традиций. Ему родители сумели дать лучшее по тем временам образование. Он – единственный из сыновей, кто сумел сделать стремительную чиновничью карьеру в государственном финансовом учреждении, что было очень престижно для “отпрыска благородного рода”. И лишь то, что он в тридцать лет оставался неженатым, терзало материнское сердце. Каких только невест она ему ни приводила (богатых, красивых), но все оказывалось напрасным.

Именно с любимцем матери и связана в романе попытка нарушить вековые устои туркменского рода. В один из дней Таджеттин за завтраком объявляет родителям, что намерен жениться на христианке Патриции, дочери хозяйки городской таверны Оморфии. Бейская семья возмущена поведением младшего сына. Ругаются надежды отца и матери на его счастливое будущее, которое ему были призваны обеспечить благородное происхождение, богатство и служебная карьера. Родители категорически против решения Таджеттина. Они не дают ему благословения на брак. Дж. Тан очень точно удается передать переживания героя, который, с одной стороны, не смеет пойти против воли семьи, а с другой – не может жить без Патриции. Кроме того, Таджеттин уже давно ощущает себя взрослым человеком, который отвечает за свои поступки и слова: он обещал матери Патриции жениться на ее дочери.

Душевные страдания героя приводят его к мысли о необходимости сопротивления обстоятельствам и борьбы за свое счастье, пусть эта даже и будет борьба с родственниками. Таджеттин уходит из дома. Он переезжает жить в садовый домик Оморфии, которая всячески помогает молодым в их любви. Мать Таджеттина Фатиш Хатун остается непреклонной даже после рождения внука. А вот сердца Али Бея и его старшей жены Юмюш Хатун смягчаются. Они сочувствуют Таджеттину, хотя и не могут действовать открыто “поперек слов” Фатиш Хатун. Отец тайно благословляет Таджеттина на то, что бы внук получил имя деда – Али.

В романе ощущаются разные стилистические напластования, повествовательные регистры которых довольно далеки друг от друга. Например, распространенные мотивы волшебной сказки – “влюбленный герой, подвергающийся испытанию”, “герой, покидающий дом”, “герой-помощник”, “ложный герой, или антагонист-вредитель”, “встреча–разлука–поиск–обретение”, “наказание злодея” – переплетаются у Дж. Тан с сентиментальным и историческим романами, с романом-путешествием и романом воспитания. При стилистической неопределенности текста, что является маркером беллетристи-

ческого кода, точность психологических мотивировок и динамичность сюжета призваны обеспечить прежде всего исторический повествовательный пласт.

Стилистику последнего определяет подробный рассказ от третьего лица главным образом о событиях, происходивших в Турции в конце 1910-х – начале 1920-х гг. Дж. Тан стремится к предельной точности и достоверности в изложении фактов истории (оккупация Турции странами Антанты, национально-освободительное движение 1918–1923 гг.), поэтому вводит в текст романа документальные свидетельства того периода (статистические данные, газетные сообщения, телеграммы, положения и статьи международных договоров и т.п.), сопровождая их авторскими комментариями. В конце романа писательница прилагает список научных трудов, на которые она опиралась во время его написания.

Похожие приемы обнаруживаются и у беллетриста А. Умита в историческом романе “Прощай, моя прекрасная Родина” (Elveda Güzel Vatanım, 2015), посвященном тому же периоду турецкой истории. Документальные вставки актуализируют исторический дискурс в крупных эпических формах и у писателей-постмодернистов (Э. Шафак, Н. Гюрсель и др.), и у представителей массовой литературы (И. Пала и др.), что не остается незамеченным отечественными исследователями:

“Отсылки к источникам в тексте романа или же списки научной исторической литературы в его конце весьма характерны для современных произведений. Мы находим их, в частности, на последних страницах романов Ахмеда Умита, Элиф Шафак, Искендера Пала. Это... придает повествованию некую видимость достоверности и исторической правды, с другой стороны, играет определенную просветительскую роль, предлагая читателю самому углубить свои познания в истории, обратившись к научным работам” [Софронова, 2016, с. 279].

Введение исторического дискурса в роман “Тоска” призвано подчеркнуть достоверность не только описываемых Дж. Тан событий, но и человеческих чувств, порождаемых трагическими уроками истории. Писательница с гуманистических позиций подходит к описанию тяжелого для турецкой нации периода национально-освободительной войны, обострившей межнациональные и межконфессиональные конфликты¹. Поэтому ей удастся избежать однобокости в изображении событий того непростого времени, свойственной большинству исторических романов на эту тему, написанных в 1930–1970-е гг. (Я. Кадри, С. Коджагез, К. Тахир и др.): патриоты турки – хорошие, а оккупанты греки, поддерживаемые Западом и местными предателями (анатолийским греческим, армянским и еврейским населением), – плохие. Писательница показывает, что все было гораздо сложнее. Многонациональной Анатолии веками удавалось оставаться общей родиной для разных национальностей, которые одинаково почитали и Рамазан, и Пасху. Трагические события начала XX в., спровоцированные извне Западом, заставили страдать абсолютно всех, изменив многое во взглядах людей. Сосед начал враждебно смотреть на соседа другой веры, который прежде был его близким другом. С мая 1919 г., когда греческие войска при поддержке стран Антанты оккупировали Измир, в Кескине стало особенно заметно изменение отношения к местным грекам.

«Когда новость об оккупации Измира достигла Кескина, в городе все пришли в замешательство. 16 мая 1919 г. жители, желая продемонстрировать правительству свое возмущение, послали в Стамбул телеграмму следующего содержания: “Известия о том, что Греция оккупировала Измир и его окрестности с целью присоединения к своей территории, не оставило здесь никого равнодушным. Жители Кескина восприняли оккупацию как противоправные действия, направленные против гражданских чувств турок, и выражают возмущение. Мы требуем от государства, проникнувшись чувством национальной гордости, дать отпор оккупантам и сообщаем, что готовы к любым моральным и материальным лишениям”» [Tan, 2015, s. 56].

В романе акцентируется внимание на том, что, хотя Кескин и не попал под греческую оккупацию, хотя в нем и не было столкновений между местными турами и грека-

¹ Л.В. Софронова отмечает, что во многих турецких исторических романах 2000-х гг. тема межнациональной розни в Турции в начале XX в. выходит на первый план: Э. Шафак “Отец и выродок” (2006), А. Кулин “На одном дыхании” (2002), З. Ливанели “Серенада” (2011) [Софронова, 2016, с. 281].

ми, враждебное отношение турецкого населения к национальным меньшинствам нарастало день ото дня. При этом рост национальной вражды не помешал честным и благоразумным жителям Кескина разных национальностей не поддаваться националистическому угару и не лишил их способности к объективной оценке происходящего. Эти люди не обвиняли своих соседей в предательстве только потому, что те были иного вероисповедания и иной национальности. Таким честным человеком и оказался Таджеттин, готовый в трагических обстоятельствах прийти на помощь тем, кто в ней нуждался, несмотря на разность веры, на злобные выпады соседей и родственников. Приоритетом для него оставались простые человеческие чувства и отношения.

Таджеттин воспринимает оскорбления турками национальных меньшинств как личную обиду. Он экстраполирует происходящее на себя и Патрицию. Взрыв эмоций героя явствует из его внутренних монологов: он не понимает, в чем виноваты Патриция, Оморфия, его сын Али, его друзья грек Арис и армянин Артин, не имеющие ничего общего с наступающими на Анатолию врагами-греками. Более того, дед Ариса сам сражался за Османское государство в период Балканских войн. Раздираемый противоречивыми чувствами герой пытается доказать родителям, что от войны страдают все национальности (ведь и его родные не турки, а туркмены), что он обязан защитить свою семью (сына и Патрицию), официально оформив брак. Но родители остаются непреклонными.

Дж. Тан описывает линии жизни своих героев в хронологической последовательности, связывая каждое событие в их судьбе с очередным этапом борьбы за независимость турецкого народа. Документальная точность характеризует авторское повествование о Эрзерумском и Сивасском национальных конгрессах (1919), о создании Великого национального собрания Турции (1920), о наступлении греков в глубь Анатолии (лето–осень 1920), о создании Мустафой Кемалем регулярной армии вместо *кувай-миллие* (партизанских отрядов), о первой (январь 1921) и второй (март–апрель 1921) битве турецкой национальной армии с греческими войсками в местечке Инёню, о “великом наступлении” турок (август 1922) и возвращении турками Измира (1922), о потоках беженцев-греков из Турции в Грецию, о Лозаннском мирном договоре и конвенции по обмену турецким и греческим населением (1923).

На последнем событии Дж. Тан останавливается подробно. Она вводит в текст статью Лозаннской конвенции об обмене, которая определяет дальнейшую жизнь главных героев Таджеттина и Патриции: “Статья 1. Начиная с 1 мая 1923 г. вынужденному обмену подвергаются турецкие граждане греческого православного вероисповедания, проживающие на турецкой территории, и греческие граждане, мусульманского вероисповедания, проживающие на греческой территории. Никто из них не может вернуться в Турцию, пока не получит разрешение турецкого правительства, или в Грецию, не получив разрешения греческого правительства, и не может там поселиться” [Тан, 2015, с. 98]. Дж. Тан удается показать на примере судеб главных героев, как на самом деле происходил обмен населением по Лозаннской конвенции, сколько горя и слез он принес насильственно выселяемым с нажитых мест грекам-христианам из Анатолии и туркам-мусульманам из Греции.

Несколько слов о самой конвенции. Лозаннская конвенция была призвана обеспечить международную правовую защиту национальным меньшинствам в Турции и Греции. Она предусматривала выселение в Грецию до полутора миллиона турецких греков – румов, как их называли турки в отличие от греков Греции – ионян (турецкое «юнан»). Слово “рум” означало “ромей”, то есть грек-византиец. А из Греции переселялись в Турцию полмиллиона турок и других мусульман. По мнению историков, “эти меры были вызваны тем, что греко-турецкая национальная рознь, достигшая во время войны крайнего напряжения, требовала коренного решения этой проблемы – путем ликвидации соприкосновения друг с другом обеих этнических общностей. При этом румы Стамбула и турки Западной Фракии переселению не подлежали” [Еремеев, 2004, с. 123]. Однако в действительности “защитительные” статьи Лозаннской конвенции обернулись насильственной депортацией греков-христиан в Грецию, а мусульман-турок из Греции. Права переселенцев, согласно которым их должны были обеспечивать денежной компенсацией за потерянное имущество на прежней родине, работой и жильем на новом месте, остались лишь на бумаге [Киреев, 2007, с. 175–176].

В романе Дж. Тан на примере трагической судьбы Патриции, маленького Али и Оморфии, показывается, через какие испытания вынуждены были пройти переселенцы в ходе переезда в Грецию, как они болели и умирали, как голодали и страдали, как вспоминали о потерянных навсегда доме и родине. И допустил эти страдания их Таджеттин, который не смог до конца остаться честным перед ними и сдержать данное матери Патриции слово. Он трусил, смалодушничал, в решающий момент не смог послушаться родителей.

Со вступлением в силу конвенции Таджеттин предпринимает последнюю попытку склонить родителей к тому, чтобы они позволили ему жениться на Патриции, поскольку, став его женой и приняв ислам, Патриция смогла бы остаться в Турции. Но мать героя опять категорически против. Таджеттин, раздираемый противоречивыми чувствами, принимает решение: он не может пойти против воли семьи и отказывается от борьбы. Но признаться в этом любимой он не в состоянии. Ничего не объясняя, он ведет Патрицию и сына в фотоателье, где они все вместе фотографируются. Патриция слепо верит Таджеттину, считая, что он сумеет найти выход. Эта вера остается в ней даже тогда, когда ранним утром ее с матерью и маленьким сыном жандармы, согласно предписанию Комиссии по обмену, выгоняют из дома. Они, не попрощавшись с Таджеттином, вынуждены срочно уехать из города.

Дж. Тан разрушает стереотипы. Хрупкая и слабая женщина Патриция оказывается сильной духом. Она мужественно выносит тяготы переезда, которые ее не смогли сломить. Взрослый и сильный мужчина Таджеттин, выполняя волю родителей, оказывается сломленным духовно и физически, он заболевает. Для более достоверной передачи душевного состояния главного героя, мучительно переживающего отъезд греков из города, писательница вновь обращается к документальным вставкам. Таджеттин приходит в лавку фотографа, чтобы забрать фотографии, единственное, что осталось у него от Патриции и Али:

«Чтобы завернуть фотографии, фотограф Асым принес старую газету “Газета Кескина”! Таджеттин был постоянным читателем этой газеты, которая начала выходить 28 апреля 1340² (1924) года. Сколько же дней он уже не читал газету. Ему попало на глаза сообщение одного агентства. “ГРЕКИ УЕЗЖАЮТ! Продолжается отъезд греков, который начался согласно телеграмме, пришедшей от Комиссии по обмену. Из страны будут высланы более 160 греческих семей. За первым эшелоном, отправившимся в путь в четверг 7 августа 1340 года, последовал второй с 12 тысячами греков-переселенцев. Готовятся к отъезду еще 15 тысяч человек. Газета Кескина / 11 августа 1340 понедельник”. Двое из тех 15 тысяч человек – это Патриция и Али! Но такая маленькая подробность для газеты была не важна. Она была важна лишь для Таджеттина, искорежив ему всю жизнь» [Tan, 2015, s. 150].

Потеряв любимого, герои мучительно приспосабливаются жить без любви. Но это уже не жизнь, а существование. Они “утопают”, “умирают” в быту монотонных тягот и невзгод. У Дж. Тан повседневное бытие одиноких героев стоит на грани с небытием. Оно требует от них колоссальных нравственных усилий, чтобы не соскользнуть за эту грань. Таджеттин живет у старшего брата, не общается с родителями, не ест не пьет. Он словно умер. С трудом через несколько месяцев брату удается уговорить его вернуться на службу. Проходят годы, но безразличие героя к жизни не проходит. В отместку матери, которая предлагает ему лучших невест Кескина, Таджеттин женится на столичной эмансипированной девице, которая случайно оказалась в этом захолустье по причине службы отца. У них рождается ребенок. Но долго его жена в этих краях не задерживается и вместе с дочерью возвращается в Стамбул. Таджеттин остается в Кескине.

Не менее трагична и дальнейшая жизнь Патриции. После сложнейшего переезда, полного трудностей, болезней и лишений, они оказываются в Салониках. Их поселяют в дом зажиточного пекаря Джемалы Эфенди, турка по происхождению. Семья пекаря тоже попадает под конвенцию об обмене, но документы на них еще не пришли от турецкого правительства. Около года греки и турки живут под одной крышей. Автор показывает, как они строят отношения друг с другом, как проникаются друг к другу дружбой и лю-

² Мусульманское летосчисление по хиджре.

бовью. По сути, их судьбы одинаковы. Их сгоняют с земли, где они родились и выросли, с земли, которую они считают домом. Их вынуждают ехать в чужие края, начинать жизнь заново, даже толком не зная языка той чужой страны, которую они должны теперь считать своей родиной. Интересно, что Оморфия с трудом понимает хозяйку дома (жену Джемаля Эфенди, которая говорит на греческом языке), Патриция же вообще греческого не знает. Удивление хозяев дома вызывает имя сына Патриции. Они не могут понять, почему у греческого мальчика мусульманское имя Али. Дело налаживается только тогда, когда хозяйка дома начинает говорить на турецком, который она с трудом вспоминает (только ее бабушка говорила на турецком). Отъезд семьи Джемаля Эфенди в Турцию сопровождается слезами двух семейств. Джемаль оставляет Оморфии свою пекарню, но та не рада этому. Ведь без прежних хозяев дом и пекарня пустеют. Патрицию выдают замуж за соседа. Али (ему 3 года) получает новое имя – Андони. Он вырастает, считая своим отцом мужа матери.

В последней, третьей части романа события происходят уже в 1940-х гг., в период Второй мировой войны. Таджеттин живет один в большом бейском доме в Кескине. Родители давно умерли. Жена и дочь навещают его очень редко. Вдруг в калитку сада входит Андони и признается ему, что он – Али, его сын. Случайно Андони узнает историю своей семьи от одного раненого, с которым он лежал вместе в военном госпитале. Это был Арис (друг детства Таджеттина). Арис поражен сходством юноши с молодым Таджеттином. Али/Андони начинает поиски отца и приезжает в Кескин. Три дня проводит с отцом, рассказывает ему, что Патриция умерла.

Историческая составляющая, являющаяся доминантой в стилистической полифонии романа, актуализирует беллетристический код, придает образам большую психологическую достоверность и глубину. Дж. Тан отказывается от счастливой развязки, намеренно не ставит точки в истории героев. Для писательницы как истинного беллетриста больше характерны недосказанность, многоточие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Еремеев Д.Е. *Становление республиканской Турции (1918–1939 годы)*. М.: ИСАА при МГУ, 2004.
- Киреев Н.Г. *История Турции. XX век*. М.: ИВ РАН, КРАФТ+, 2007.
- Лейдерман Н., Липовецкий М. *Современная русская литература*. В 3-х кн. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Липовецкий М. Рецепт успеха: сказочность + натурализм. *Новый мир*. 1997. № 11. С. 211–226.
- Литовская М.А. *“Феникс поет перед солнцем”: феномен Валентина Катаева*. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999.
- Репенкова М.М. Поэтика турецкого дамского романа на примере творчества Джанан Тан. *Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции (Москва, 18 апреля 2016 г.)*. Отв. ред. В.Е. Смирнов. М.: Тезаурус, 2016(1). С. 206–208.
- Репенкова М.М. *Турецкая литература на рубеже XX – XXI веков (основные парадигмы)*. М.: Наука; Восточная литература, 2016(2).
- Софронова Л.В. Историческая тема в современной турецкой прозе: традиция и новаторство. *Языки и литературы тюркских народов. Международная конференция, посвященная 180-летию кафедры тюркской филологии Санкт-Петербургского государственного университета*. Отв. ред. Н.Н. Телицин, Й.Н. Шен. СПб.: СПб.ГУ, 2016. С. 278–285.
- Софронова Л.В. Массовая литература как продукт глобализации (размышления о жанровом многообразии современной прозы Турции). *Вестник РУДН. Серия Литературоведение. Журналистика*. № 2. М., 2012. С. 51–58.
- Софронова Л.В. Проблематика турецкой женской прозы начала XXI века: гендерный аспект. *Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки*. Т. 158. Кн. 1. Казань, 2016. С. 256–270.
- Чернов А.В. *Русская беллетристика 20–40-х гг. XIX в. (вопросы генезиса, эстетики и поэтики)*. Череповец: ЧГУ, 1997.
- Черняк М.А. *Массовая литература XX века. Учебное пособие*. М.: Флинта-Наука, 2009.
- Чуприн С.И. *Жизнь по понятиям: русская литература сегодня*. М.: Время, 2007.

Gülendam R. *Türk Romanında Kadın Kimliği (1946–1960)* (Женская идентичность в турецком романе (1946–1960)). Konya: Salkımsöğüt, 2006 (на турецк. яз.).

Günaydın A.U. *Cumhuriyet öncesi kadın yazarların romanlarında toplumsal cinsiyet ve kimlik sorunsalı (1877–1923)*. Doktora tezi (Проблема пола и идентичности в романах дореволюционных женщин-писателей (1877–1923)). Кандидатская диссертация. Ankara, 2012 (на турецк. яз.).

Erden A. *Türk Edebiyatında Kadın Yazarlar (Kötücülük-Cinsiyet-Erotizm)* (Женщины-писатели в турецкой литературе. Зло–Гендер–Эротизм). İstanbul: Hayal, 2011 (на турецк. яз.).

REFERENCES

Chernov, A.V. *Russian Fiction of the 1920–40s (issues of genesis, aesthetics, and poetics)*. Cherepovets: Cherepovets State University, 1997.

Chernyak, M.A. *Popular Literature of the 20th Century. Textbook*. M.: Flint-Science, 2009.

Chuprin, S.I. *Life by the Code: Russian Literature Today*. M.: Vremya, 2007.

Erden A. *Türk Edebiyatında Kadın Yazarlar (Kötücülük-Cinsiyet-Erotizm)* (Women Writers in Turkish Literature. Evil-Gender-Eroticism). İstanbul: Hayal, 2011 (in Turkish).

Eremeev, D.E. *Establishment of Republican Turkey (1918–1939)*. M.: Lomonosov Moscow State University IAAS, 2004.

Gülendam R. *Türk Romanında Kadın Kimliği (1946–1960)* (Female Identity in the Turkish Novel (1946–1960)). Konya: Salkımsöğüt, 2006 (in Turkish).

Günaydın A.U. *Cumhuriyet öncesi kadın yazarların romanlarında toplumsal cinsiyet ve kimlik sorunsalı (1877–1923)*. Doktora tezi (Gender and Identity in the Novels of Pre-Revolutionary Women Writers (1877–1923)). Candidate's dissertation. Ankara, 2012 (in Turkish).

Kireev, N.G. *History of Turkey in the 20th Century*. M.: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science, CRAFT+, 2007.

Leiderman, N., Lipovetsky, M. *Contemporary Russian Literature*. In 3 books. M.: Editorial URSS, 2001.

Lipovetsky, M. Recipe for Success: Fantasy + Naturalism. *New World*. 1997. No. 11. Pp. 211–226.

Litovskaya, M.A. *The Phoenix Sings Before the Sun: the Valentine Phenomenon Kataeva*. Yekaterinburg: Ural University publishing house, 1999.

Repenkova, M.M. Poetics of the Turkish Woman's Novel as Exemplified by the Works of Janan Tan. *Lomonosov Readings. Oriental Studies. Scientific conference theses (Moscow, April 18, 2016)*. Ed.-in-chief V.E. Smirnov. M.: Thesaurus, 2016(1). Pp. 206–208.

Repenkova, M.M. *Turkish Literature on the Border of the 20th–21st Centuries (main paradigms)*. M.: Science, Eastern literature, 2016(2).

Sofronova, L.V. History in Contemporary Turkish Prose: Traditions and Innovation. *Languages and Literature of Turkish Peoples. International conference on the 180-year anniversary of the department of Turkish philology of Saint Petersburg State University*. Ed.-in-chief N.N. Telitsin, I.N. Shen. SPb: Saint Petersburg State University, 2016. Pp. 278–285.

Sofronova, L.V. Popular Literature as a Product of Globalization (thoughts on genre diversity in contemporary Turkish prose). *RFUR Bulletin. Literary studies series. Journalism*. No. 2. M., 2012. Pp. 51–58.

Sofronova, L.V. Problematics of Turkish Women's Fiction at the Beginning of the 21st Century: the Gender Aspect. *Scholarly notes of Kazan University. Humanitarian sciences series*. V. 158. Book 1. Kazan, 2016. Pp. 256–270.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

РЕПЕНКОВА Мария Михайловна – доктор филологических наук, профессор ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.	Maria M. REPENKOVA – Dr.Sc. (Philology), Professor of Turkish philology, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
--	---